Автор: словарь
19.02.2009 01:49 -

"О ГРАДЕ БОЖЬЕМ" — одно из важнейших сочинений Августина Блаженного (датировка написания: 413—427). В книге была осуществлена нетрадиционная разработка проблемы периодизации исторического процесса. По мысли Августина, "два града — нечестивцев и праведников — существуют от начала человеческого рода, и пребудут до конца века.

Теперь граждане обоих живут вместе, но желают разного, в день же Суда поставлены будут розно". Люди, живущие в Боге, вместе образуют "Град Божий", или "Град небесный"; прочие — "Град Земной". По мысли Августина, "две разновидности любви порождают два града: земной град создан любовью к самим себе, доведенной до презрения к Богу, небесный — любовью к Богу, доведенной до полного самозабвения. Первая возносит самое себя, вторая — Бога.

Первая ищет людскую славу, вторая устремлена к высшей славе Бога". Оба града имеют своих посланников на небе: восставших ангелов и тех, кто сохранил верность Богу. На земле они разнятся как потомки Каина и Авеля, эти два библейских персонажа выступают символами двух сообществ. ("Основатель земного града был братоубийца Каин; ему соответствует и братоубийца Ромул — основатель Рима".) При этом гражданин "Града земного" на этой земле производит впечатление повелителя и господина мира, гражданин "Града Божьего" — уподобляется страннику и пилигриму. Первый определен к вечному проклятию, второй — к спасению во веки вечные.

Как отмечает Августин: "Небесный град вечен; там никто не рождается, потому что никто не умирает; там истинное и полное счастье, которое есть дар Божий. Оттуда мы получили залог веры на то время, пока, странствуя, вздыхаем о красоте его". Нашел отражение в книге "ОГ.Б." и взгляд Августина на "человека внутреннего" как образ и подобие Бога и Троицы, в коей три Лица при их сущностном единстве. Личность в таком контексте полагалась Августином реализовавшейся в той мере, в какой оказывались отражены три лика Троицы в их единстве.

По мысли Августина, "...поскольку мы не равны с Богом, более того, бесконечно от Него удалены, посему Его стараниями... мы узнаем в самих себе образ Бога, т.е. святую

Троицу; образ, к коему следует всегда приближаться, совершенствуясь. В самом деле, мы существуем, умеем существовать, любим наше бытие и наше познание. В этом во всем нет ни тени фальши. Это не то, что есть вне и помимо нас, то, о чем мы осведомлены в

видах телесных нужд... Безо всякой фантазии очевидно: "Я" есть определенность бытия, то, что способно себя знать и любить. Перед лицом такой истины меня не задевают аргументы академиков: "А если ты обманываешься?". Если обманываешь себя, то ты уж точно есть...

Поэтому, следовательно, я существую хотя бы с того момента, когда сам себя надуваю. Откуда известно, что я в состоянии заблуждаться о своем бытии, когда не установлено, что я есть?.. Так, если я знаю, что я есть, то я и способен к познанию себя самого. А когда я люблю эти две вещи (бытие и самопознание), что открывают меня познающего, то очевиден и третий элемент, не менее значимый, — любовь.

В этой любви к самому себе нет обмана, ибо в том, что я люблю, я не могу себя обманывать, и даже если бы обнаружилось, что то, что я люблю, фальшиво, то было бы верно, что я люблю вещи лживые и недостойные, но не то ложь, что я люблю". Согласно Августину, человек не знает творения, ибо он — существо конечное. Бог из собственного существа породил Сына, Который как таковой идентичен Отцу, однако же космос Он сотворил из ничего.

Между "генерацией" и "креацией", по мысли Августина, огромное различие: Творец вызывает к бытию "то, чего абсолютно не было". "Мы не называем творцами, — отмечает Августин, — возделывающих сады, но и землю-мать, всех кормящую, не назовем творящей... Лишь Бог — Создатель всех творений, по-разному себя воплотивший в них.

Только Бог, скрытая сила, все проникающая своим присутствием, дает бытие всему, что так или иначе есть, ибо, не будь Его, не было бы ни того, ни другого, и даже не могло бы быть.

Ибо, если мы говорим, что Рим и Александрия взросли благодаря не каменщикам и архитекторам, сообщившим внешнюю форму этим городам, но Ромулу и Александру, их воле, согласию и приказаниям обязаны они своей жизнью, тем более необходимо признать, что сотворение мира дело только Бога, ибо ничего нельзя сделать только из материи, которая создана Им, или только артефактов, созданных людьми. Не будь этой творческой способности создавать все сущее, отними ее, и все перестало бы быть, как и не могло бы начаться быть. Впрочем, я говорю "сначала" в вечности, но не во времени". (Согласно Августину, Бог, создавая этот мир, создал и время.) Таким образом история предстает в "ОГ.Б." в принципиально новой версии, незнакомой античному миропониманию: она имеет начало творения и конец сотворенного мира с пограничным моментом в виде воскрешения и страшного суда. Три эти существенных события

формируют всемирную историю: первородный грех, ожидание прихода Спасителя, воплощение и страдания Сына Божьего с образованием его дома (града) — Церкви.

В конце "ОГ.Б." Августин акцентирует перспективу воскрешения: плоть (хотя и трансформированная) возродится к жизни: "плоть станет духовною, подчинится духу, но будет плотью, не духом; подобно тому как дух был подчинен плоти, но все же остался духом, а не плотью".

А.А. Грицанов